Инна ЖЕЛАННАЯ:

ХОЧЕТСЯ ПЕТЬ В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

Фото Сергея БАБЕНКО

Можно долго рассказывать, кто такая Инна Желанная и чем она знаменита.

Люди, знакомые с названием культовой московской группы «Альянс», наверное, помнят, как в 1989 году в ее составе неожиданно появилась тогда еще совсем юная девушка с красивым голосом и вывела творчество этого коллектива на совершенно новый виток развития.

Потом было участие в передаче «50/50» с песней «Дальше», сделавшее имя Желанной известным далеко за пределами круга любителей world music. Вскоре вышел CD «Альянс III — Сделано в Белом» с четырьмя песнями Инны, получивший Гран-при на международном конкурсе музыкальных альбомов Radio France international. Начались первые выезды за границу (Швеция, Франция), группа участвовала в фестивале «Рок чистой воды», много гастролировала по стране, песни Желанной звучали в фильме Сергея Ливнева «Кикс», записывались американскими и норвежскими музыкантами на своих альбомах. После распада «Альянса» Желанная собрала из его обломков собственную группу и в 1995 году на фирме General records вышел дебютный альбом нового проекта под названием «Водоросль» (второй альбом, «Иноземец», появился в 1999-м).

Безусловно, Инна Желанная — самая загадочная фигура отечественного рока. Основной парадокс, связанный с этим именем, заключается в том, что при поголовном уважении всех, кто хоть раз сталкивался с ее творчеством, значительной популярностью оно не пользуется. На Западе в отличие от России спрос гораздо заметнее: в русле всеобщего увлечения world music звезду нашего фолк-рока невозможно не замечать как наиболее значительного русского представителя этого направления. В июле 1996 года певица со своей новой группой приняла участие в промоушн-туре CD One World, стартовавшем перед Белым домом у памятника Джорджу Вашингтону и проследовавшем по нескольким крупным городам США, включая концерт в Атланте на открытии Олимпийских игр. На альбоме, выпущенном к 50-летию UNICEF американской фирмой Putumayo World Music, имя Инны Желанной соседствует с такими персонажами, как Peter Gebriel, Gipsi Kings, Bob Marley.

А в России... Нечастые клубные концерты и — 1—2 раза в год — попытки выступить на более масштабных площадках, аншлаги на которых весьма редки. Что удивительно, поскольку кассеты и компакты Желанной расходятся достаточно стабильно и не сотнями, а тысячами. Это противоречие, вероятно, можно объяснить некоторой отстраненностью и холодностью Инны во время концертных выступлений: Желанная светит неярко и греет нежарко.

Более того, создается ощущение, что она умышленно стремится избежать любой, даже самой минимальной попсовости и хитовости, желая максимально четко подчеркнуть свою принадлежность именно к музыкальной культуре, а не попсовому кичу. Возможно, именно отсюда такое тяготение к медленным медитативным композициям (как авторским, так и переработкам народных песен), восприятие которых подразумевает подготовленного слушателя, а не безликую толпу, привыкшую к стандартному чередованию «заводных» вещей и «медляков».

Как бы то ни было, творчество Инны стабильно и не подвержено сиюминутной корректировке на потребу быстро меняющейся моде. Такие люди добавляют нашему неустойчивому миру равновесия, повышают его запас прочности. А еще могу по секрету сообщить, что Желанная — это никакой не псевдоним, а самая настоящая фамилия, так у Инны в паспорте написано

Новая газ. – 2001 – 1–4 февр. – с. 11

— Возможно, вы со мной не согласитесь, но с 1990 года, когда Инна Желанная стала известна благодаря конкурсу «50/50», до сего момента уровень вашей популярности в России остался примерно на том же уровне.

— Примерно да. Как говорил кто-то про артистов вроде нас: широко известны в узких кругах. Я считаю, что это хорошее определение.

— Где вы уже побывали в этом году?

— В Германии, Бельгии, Голландии, Австрии, Швейцарии. Мотаемся по фестивалям, прошлым летом объездили всю Европу, все фестивали — 2—3 по world music, 2—3 джазовых и даже один попсовый. В общем, катаемся.

— Насколько различны ваши концерты там и здесь?

— Прежде всего подобные гастроли отличаются организацией — на Западе все очень серьезно поставлено с этим делом.

— Наверняка вы были человеком рок-музыки, слушали «Лед зеппелин», «Дип перпл», «Битлз», «Роллинг Стоунз»...

— Конечно. Только «Роллинг Стоунз» я не слушала и не люблю по сей день. Человек, которому больше нравится «Битлз», обычно не слушает «Роллинг Стоунз». И наоборот. Но при этом раньше у меня были свои кумиры. Сейчас такого, конечно, нет, это даже смешно. Я считаю себя самодостаточным человеком, хотя, конечно, в курсе всяческих новостей. Из того, что услышала в последнее время, нравится «Текила джаз».

Еще в 1984 году у нас с Эдиком Вахмяниным была группа «Фокус», это был настоящий постпанк. Играть не умел никто. Петь, пожалуй, тоже никто не умел. Сочинять стихи или хотя бы тексты к песням пытались все, но мало у кого получалось делать это хорошо. При этом мы были очень собой довольны — было чувство полной-преполной жизни. Даже концерты были для своих, для узкого круга. Потом, в 1987 году, у меня была группа «М-Депо» в рок-лаборатории. Все, что мы играли, критики называли «блатной городской романс». Я писала наполненные тексты, смысл которых сводился к тому, как хреново жить на свете.

— То есть увлечение фолком пришло чуть позже?

— От того, как у нас преподавались в советские времена и классика, и народная музыка, могло только стошнить. Ни один учащийся музыкального училища не испытывал никакого удовольствия от преподаваемых предметов. Во-первых, все там было как-то скучно. Во-вторых, если брать народную музыку советских годов, все эти хоры Пятницкого и так далее — это просто туши свет... Там было мало отношения к действительно народному творчеству, которое где-то в загашниках консерватории зарыто, и доступ туда имеют исключительно те, кто непосредственно этим занимается.

А уж то, что делаем мы, — вообще полное безобразие. Берем реальные народные песни — старые, мало кому известные, и трансформируем через современные средства в нечто совершенно неудобоваримое для настоящих народников. Они стараются следовать тому, как какая-нибудь Марфа Петровна из деревни поет: раз она визжит и плачет — значит, надо визжать и плакать. Если я прихожу к таким девушкам и прошу слова какой-нибудь песни — они очень напрягаются, говорят, что им бы не хотелось ничего мне давать, но, уж ладно, раз Сергей Старостин попросил — только ради него.

— Вы сами отбираете народные песни?

— Приносит в основном тот же Сергей Старостин. Он ездит в экспедиции, собирает там народные песни и часто предлагает к исполнению. То, что всем нам нравится, отбирается. Какого-то особого разделения у нас нет. И в альбомах, и в программе — все вместе.

— Решения принимаются коллегиально, или вы все-таки немножко диктатор?

— Да нет. Я, правда, пытаюсь, но у меня ничего не получается. Четыре здоровых мужика, и каждый со своим мнением, — никого не переспоришь. Честно говоря, они меня давят. Причем Старостин и Клевенский, духовики, — более народники. А басист с барабанщиком — два рокера. И вот они меня тянут в разные стороны, а я нахожусь где-то посередине и никак не могу добиться того, чего, собственно, хочется.

— Как сложился такой необычный состав инструментов?

— Сам собой. Мы хотели еще брать гитариста, а потом подумали, что ему просто нечего будет играть. Уж клавишей точно не будет, потому что бас Калачева вполне их заменяет.

— Аранжировки тоже делаются совместно?

— Да, каждый придумывает свою партию.

— Из общения с лидерами многих рок-групп я знаю, что они обычно тщательно «выгораживают» своих музыкантов и увидеть на афише надпись, допустим, «Владимир Шахрин и группа «Чайф» или «Константин Кинчев и группа «Алиса» абсолютно невозможно. У вас же, наоборот, всегда подчеркивается: Инна Желанная и ее группа. Причем группа имеет какое-то маловразумительное полумифическое название, которое лишь изредка пишется на афише, да и то маленькими буковками.

— Название группы было придумано не для России, а для поездок за границу, потому что фамилия у меня не очень выговариваемая для иностранцев и проще было придумать отдельное название. А по-русски... Есть у ребят разные предложения, которые мне не хотелось бы пока озвучивать. Я не против как-то назвать группу, но имеет ли это теперь смысл? Меня сложившаяся ситуация не удивляет и не напрягает.

— А что главное в песне — музыка, текст, подача?

— Чтоб было не стыдно. Есть какие-то моменты в жизни, за которые потом стыдно. А делать надо. Я не знаю, что привести в пример, но бывает. За «Водоросль» — не то чтобы стыд, а просто не хочется о ней говорить, не хочется никому показывать. Те же самые четыре песни, сделанные на диске «Альянса», вызывают чувство гордости.

— На «Иноземце» много песен дублируют, уже записанных на «Водоросли», и на концертах вот уже несколько лет играется, с небольшими вариациями, примерно одна и та же программа. Где же новые песни?

— Есть плодовитые люди, которые легко пишут в день по песне, но при этом они у них одна от другой мало чем отличаются. А есть люди, которые годами молчат-молчат, а потом — раз и что-то такое напишут. Я никогда не отличалась творческим изобилием — не сложилось. Хотя есть и свои новые песни. Сейчас выйдет концертник с играющейся ныне программой, а кое-что мы именно придерживаем, чтобы на новой студийной пластинке было побольше новых вещей.

— Что это будет? Ваши песни, вариации народных песен, чьи-то еще?

— И наши песни, и вариации народных, и песни на чьи-то стихи тоже будут. Часть вещей уже звучит на концертах, но часть еще нигде не звучит.

— Какие-то аналоги своему творчеству находили?

— Есть несколько человек, с которыми выступать в одном концерте было бы не странно. Например, Настя Полева. Еще есть такая московская певица Ольга Дзусова. Или с той же Ольгой Арефьевой.

— Только коллективы с женским вокалом?

— Не только. Не знаю, что сейчас делает Андрей Мисин, а раньше можно было бы с ним поиграть. Кто сейчас подобным занимается — не знаю. Просто куда ни посмотри — мы не вписываемся ни в какой формат. Рядом с рок-группами мы будем выглядеть попсово, рядом с попсовыми группами мы будем выглядеть слишком роково или слишком народно. По сравнению с народниками у нас все слишком трансформировано.

— Сейчас Земфира очень популярна, многие восхищены ее голосом. У вас голос не хуже. Нет зависти?

— Я думаю, что моя слава лучше. У меня такое ощущение, что эта девочка попала в некий водоворот и так ее закрутило, что она, наверное, уже не имеет возможности остановить эту машину, а может, ей все это как раз нравится. Зависти у меня нет. Мне нравится, как она поет, мне нравится ее голос, мне нравятся некоторые песни, но мне не нравится, как она себя ведет, не нравится, куда она ходит, с кем общается и так далее. Ну не ту поляну она себе выбрала.

— Вас почти не увидишь по телевизору, не услышишь по радио. Вы совсем не контактируете с машиной нашего шоубизнеса?

— В общем-то, да.

— Насколько, на ваш взгляд, реальный потребительский спрос соответствует тому, что мы видим и слышим в теле- и радиоэфире?

— Все это навязано, как Путин. Те, кто приходит на наши концерты, вряд ли будут слушать и смотреть какие-нибудь «Песни года» или какой-нибудь «Голубой огонек» на первом канале: я удивляюсь, как горстка одних и тех же людей ухитряется появляться на разных каналах в одно и то же время. А что касается нашего отсутствия на телевидении, то это, видимо, скоро войдет в концепцию группы. У нас были и есть только разовые показы, которые практически ничего не дают.

— На ваших концертах много людей от тридцати лет и старше. У вас есть какое-то обобщенное представление о тех, кто слушает вашу музыку?

— Видимо, это как раз те, которым за тридцать. Люди, не обремененные физическим трудом. Среди знакомых, которые ходят постоянно на концерты, — врачи, языковеды, философы, художники. Нет среди них слесарей и прочих фрезеровщиков.

— Вы много ездите по миру. А по своей стране?

— Когда был «Альянс» — да, а теперь — вообще никуда не ездим. За границу только.

— Получается, что за границей вы нужнее, чем здесь?

— За границей просто лучше работают. Возвращаешься — тут же нарываешься на какое-нибудь хамство на таможне, на грязные дороги, вонючие сортиры, — контраст просто шокирующий. Въезжаешь, скажем, из той же Польши и... небо и земля. Даже Белоруссия чище.

За державу, конечно, обидно, хотя мы стараемся не обижаться. Пластинки вот выпускаем, в интернете активно себя начали рекламировать. Но хочется играть именно в своем отечестве. Дом вроде бы, а получается — не нужен никому.

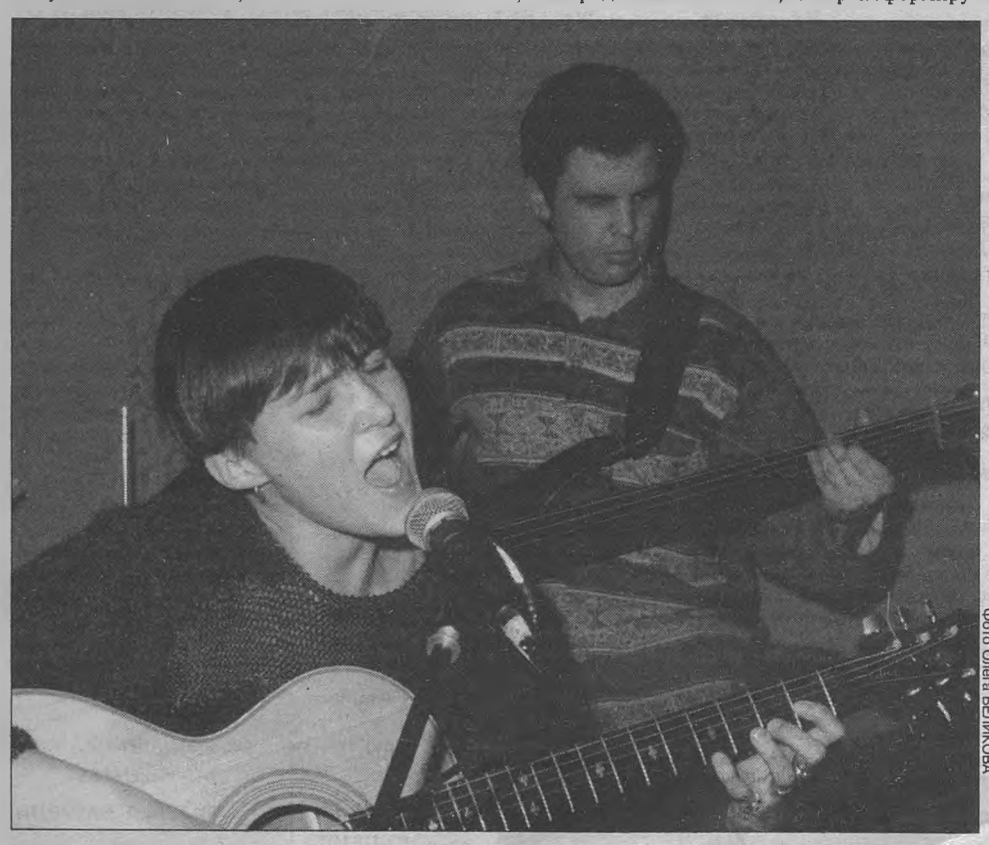

Фото Олега БЕЛИКОВА

● **Анатолий ОБЫДЕНКИН**